

Тарковский Андрей А

18/III 88

Завещание художника

КИНО

Когда-то на вопрос, случайно ли, что личные ситуации входят в его фильмы, режиссер Андрей Тарковский ответил: «Моя жизнь — это мои фильмы, а мои фильмы — это моя жизнь».

В этом убеждаешься всякий раз, соприкасаясь с кинематографом Тарковского. Его полотна власти притягивают к себе мучительными вечными вопросами, и смотришь их зачастую не один раз, снова и снова открывая для себя и в себе некий глубокий смысл.

И даже много времени спустя вдруг с удивлением обнаруживаешь, что не поняты когда-то образы существуют в твоём сознании независимо от тебя и проясняются как бы сами собой.

«Жертвоприношение» — последнее обращение режисера к людям. Фильм, сделанный на чужбине, в Швеции, с незнакомыми нам актерами, с титрами на чужом языке. Почти физическая боль от этого имени — Андрей Тарковский — латинским шрифтом и бесстрастным голосом за кадром переводчика. Трагедия художника, вынужденного работать вне Родины, не могла не сказаться на его зрелом творчестве.

С первых кадров узнаваема рука мастера, особый язык, особый мир Тарковского. Спутать — невозможно.

Сначала детали трудно разглядеть, потом — крупнее и крупнее, вот уже не вмещаются в кадр слова «Поклонение волхвам» — своеобразный эпиграф, заставляющий думать о нескон-

чаемой череде жертв в истории человечества.

В следующих кадрах — почти аскетический пейзаж. Ничего лишнего: вода и твердь. И еще одинокое дерево. Режиссер не торопит камеру, и мы постепенно приближаемся к двум людям на пустынном берегу. Александр и его сын, которого все будут звать просто Мальчик. Тихим летним утром двое сажают у дороги «японское дерево». Дерево сухо. Отец рассказывает мальчику притчу о монахе, который терпеливо и неустанно, изо дня в день, из год в год поливал свое сухое дерево, пока однажды не увидел его в цвету. Ласково и мудро взрослый учит ребенка терпению и постоянству. Но дерево сухо, и едва ли ему суждено прижиться на чуждой почве. (Говорят, что сухая крона не случайно обращена в сторону моря — в сторону Родины). «Вначале было слово», — рассказывает отец, но Мальчик занят своим и, похоже, совсем не слушает. Так начинается эта удивительная картина, поразительная в своей автобиографичности, предчувствии, провидении, пророчестве. Как всякое настоящее произведение искусства, она безусловно неоднозначна, и каждый волен «прочитать» ее по-своему.

В поисках гармонии, спасаясь от разлада с миром и с самим собой, бывший актер Александр вместе с семьей поселяется в уединенном доме на берегу. В день юбилея хозяина в этом огромном ухоженном холодном доме собираются близкие. Размерно течет время.

Ничто, казалось бы, не предвещает потрясений. И в то же время во всем чувствуется какая-то напряженность, ожидание. Вот злобеще задребезжали бкалы на подносе. Сами собой распахнулись дверцы старинного шкафа. Медленно упала с полки и разбилась банка с молоком, оставив на полу причудливый след. Телевизионный голос успевает предупредить о надвигающейся ядерной катастрофе. Экран телевизора вспыхивает и гаснет, и все погружается во тьму.

От дикого грохота дрожит дом. Нарастает реактивный рев. Мы уже слышали его в «Андрее Рублеве» под аккомпанемент многоязычной речи как предзнаменование грядущих бед.

И — мысль, от которой никуда не деться: надо что-то делать. Пора от слов переходить к поступкам. Перед лицом смертельной опасности, на краю гибели цивилизации, среди людей, теряющих разум от страха, среди людей, каждый из которых думает только о себе, всегда находится один, готовый на все, лишь бы остановить катастрофу.

Что может человек, песчинка во Вселенной? Александр, балансирующий на грани безумия, в трагическом бессилии изменить что-либо другим способом (словом?), решается на поступок.

Кровными узами связана эта шведская лента Тарковского с его предыдущими фильмами. Память подсказывает: все это уже было. Были больная совесть в «Соларисе» и зона обнаженной человечности в «Сталкере», был пролог в «Зеркале» —

«Я могу говорить!», был великий обет молчания гениального Рублева. Вот мелькнул лик божьей матери в подаренной юбиляру русской книге. Вот вязкая хлюпающая грязь, в которую падает Александр, бывшая прежде землей, почвой, растекающаяся теперь под воздействием ядерного взрыва. Вот — чувство неизбежной вины за грехи человечества. И готовность страдать во искупление. И — надежда, живущая во всех картинах Тарковского.

Такие совпадения не могут быть случайными. Из фильма в фильм, последовательно и терпеливо режиссер развивает тему великой ответственности каждого за судьбу мира в целом.

«Мне кажется, я начинаю понимать Гамлета — ему надоело болтуны», — скажет Александр, уже принявший решение. Чтобы выжить, надо быть способным на самопожертвование.

Может быть, любовь спасет мир? О, любви и нежности Александру хватит на всех и до конца (это говорит о нем один из друзей)! В неверном лунном свете совершит он свой путь к алтарю любви во имя спасения мира. Он, сын человеческий, хочет только одного — отворотить неотвратимый конец света.

Рациональный наш век с ужасающей методичностью и целеустремленностью подвел мир к краю пропасти, создавая и накапливая страшное оружие, совершая насилие над природой. Может быть, здесь ключ к фильму? Вспомните: Александр рассказывает Марии,

как он, исполненный самых добрых намерений, решил навести порядок в саду, чтобы порадовать больную мать. Результат оказался ошеломляющим: «порядок» обернулся насилием над природой. Альтернативы нет. Мир, ставший взрывоопасным, нельзя спасти, не отказавшись от насилия.

Каждый сам решит, что из происходящего на экране — реальность, а что лишь привиделось в страшную ночь безумному Александру. Впрочем, безумие его сродни гамлетовскому. И проблема та же: быть или не быть? И уж если от него зависит это «быть», то плата не так уж и велика.

Обет не может быть нарушен, он должен быть неукоснительно выполнен, ибо утреннее пробуждение будет действительно мирным. Искупительный пожар, устроенный главным героем — его жертвоприношение, — последняя попытка обращения к людям, последнее предостережение, творческое самосожжение самого Тарковского. «Мои фильмы — это моя жизнь...». «Челенджер», Чернобыль... Следующий раз может оказаться последним.

...Светлым утром поливает посаженное отцом дерево Мальчик. Слова отца запали ему в душу: если творить добро изо дня в день, терпеливо и постоянно, в мире непременно что-нибудь изменится. Добровольная немота Александра — и первые слова Мальчика: «Вначале было слово. Почему так, папа?».

Круг замкнулся. И уже в следующую секунду понимаешь: все повторяется. На новом витке.

«Посвящается моему сыну Андрюше — с надеждой и верой». Сыну — и нам, всем, кто способен услышать и последовать завещанию художника.

К. ПОДОЛЬСКАЯ.

Ульяновская правда 18 Мар 1988 г. Ульяновск